

Рубан, Евгений Николаевич

Евгений Николаевич Рубан	
Страны:	 СССР Россия Белоруссия
Дата рождения:	19 июня 1941
Дата смерти:	17 ноября 1997 (56 лет)
Место смерти:	Гродно , Белоруссия
Звание:	Мастер спорта СССР (1966)

Евгений Николаевич Рубан ([19 июня 1941](#) – [17 ноября 1997](#), [Гродно](#)) – белорусский [шахматист](#), [мастер спорта СССР](#).

Воспитанник белорусской шахматной школы. Окончил философский факультет [ЛГУ](#). Был участником нескольких [чемпионатов Ленинграда](#) и [Белоруссии](#).

В полуфинале 39-го первенства Ленинграда 1966 года выполнил норму мастера^[1], а затем в финале завоевал звание чемпиона. В следующем году на первенстве [СССР](#) среди студентов в [Ростове-на-Дону](#) поделил 4–6-е места с [Вадимом Файбисовичом](#) и [Нухимом Рашковским](#). Уступил полочка [Исааку Болеславскому](#) и занял второе место на чемпионате Белоруссии 1964 года.

В 1975 году, выступая вне конкурса, был первым в итоговой таблице. Играл за сборную команду Ленинграда в матчах против [Узбекистана](#), [Москвы](#) и Белоруссии. Представлял белорусскую команду во встрече с шахматистами [ГДР](#). Неоднократно судим.

Он побеждал в чемпионате СССР, у него равный счет с Анатолием Карповым, а однажды ему удалось обыграть Роберта Фишера

Е. Рубан
1966

Когда Корчной остался на Западе, его портрет исчез со стенда в Чигиринском клубе, но еще раньше оттуда исчезла фотография чемпиона Ленинграда 1966 года Евгения Рубана

После четырех лет лагеря Рубан, которого так и не восстановили в мастерском звании, вернулся в родной Гродно. Как он говорил с горечью, «доживать век в нашем болоте...»

Best World Rank: **#2025** (on the [December 1996 rating list](#))

Highest Rating: **2368** on the [December 1996 rating list](#), #2025 in world, [age 55y6m](#)

Best Individual Performance: **2366** in [BLR-ch Minsk Minsk, 1996](#), scoring 1.5/7 (21%) vs 2483-rated opposition

ДЕБЮТАНТ

СТАНОВИТСЯ

ЧЕМПИОНОМ

Французская защита

П. КОНДРАТЬЕВ И. ВЕЙНГЕР

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кс3 Кf6 4. Сg5 Сb4 5. e5 h6 6. Сс1 Ке4 7. Фg4 g6 8. Ке2 с5 9. а3 Са5 10. b4 сb 11. К:е4 de 12. ab С: b4+ 13. с3 Се7 14. Кg3 Cd7 15. К:е4 Сс6 16. Cd3 Кd7 17. Фf3 Фс7 18. 0—0 а6 19. с4 Ld8 20. Сb2 С:е4 21. Ф:е4 0—0 22. Фе3 Кpg7 23. d5 Сс5 24. Фg3 Фb6 25. Лab1 Сb4 26. Кph1 а5 27. f4 Кс5 28. Сс2 Кph7 29. f5 ef 30. Л: f5 gf 31. С: f5+ Фg6 32. e6 Лg8 33. С: g6+ Л: g6 34. Фf4. Черные сдались.

К СОЖАЛЕНИЮ, шахматные чемпионаты Ленинграда в последние годы не собирают кворума именитых гроссмейстеров и мастеров, которых в городе вполне достаточно. Исключение, пожалуй, составляют проводимые раз в три года чемпионаты, имеющие права полуфиналов первенства страны. Весьма интересным по составу обещает быть юбилейный XL чемпионат. Но это в будущем году. А пока проза минувшего, XXXIX турнира.

Финалу на этот раз предшествовали три ступени отбора — четвертьфиналы и двухэтапные полуфиналы. Поэтому можно было ожидать, что трудностей с комплектованием финала не будет. На деле все оказалось не так просто. Гроссмейстеры находились на международных турнирах, а мастера, финалисты последнего первенства СССР, опасались снизить свой коэффициент в соревновании «мелкого плана».

И тогда закончились этапы отбора и был спешно «мобилизован» длинный кандидатский список, выяснилось, что на жеребьевку прибыло всего 13 участников.

14-й был найден случайно. Находясь в увольнительной, молодой армейский кандидат в мастера М. Цейтлин — по 7½, В. Когинов, Н. Новотельнов — по 6, И. Блехцин, И. Вейнгер — по 6, Г. Сосонко — 5½, К. Кламан — 5, Б. Никитиных — 4, Н. Тарасов — 2 очка.

Несмотря на все предстартовые трудности, турнир прошел интересно. Задор молодых придал соревнованию боевой характер.

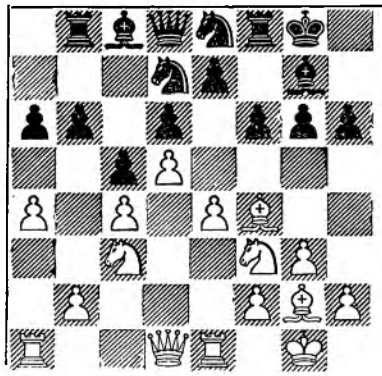
Спортивные результаты турнира таковы: Е. Рубан — 9½ очков, С. Хавский — 9, П. Кондратьев — 8½, В. Карасев, А. Решко, М. Цейтлин — по 7½, В. Когинов, Н. Новотельнов — по 6, И. Блехцин, И. Вейнгер — по 6, Г. Сосонко — 5½, К. Кламан — 5, Б. Никитиных — 4, Н. Тарасов — 2 очка.

Студент философского факультета университета Е. Рубан из дебютанта превратился в чемпиона Ленинграда.

Е. Рубан — хороший тактик, волевой и смелый шахматист. Даже досадные проигрыши не выводят его из равновесия.

Путь Рубана к финалу был длинным: первое место в четвертьфинале, победа на первом этапе полуфинала, первое—третье места и выполнение нормы мастера во втором этапе и, наконец, финал.

И все — почти без перерыва. Шахматной федерации Ленинграда надо подумать над тем, как упорядочить свой спортивный календарь.

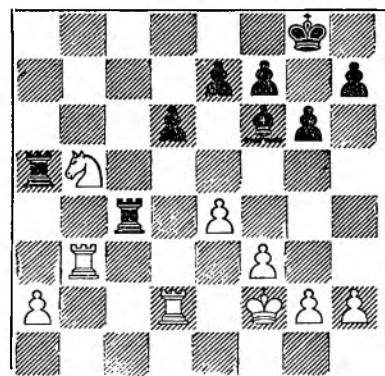

К этому положению пришла партия Рубан — Никитиных.

Белые предприняли интересную позиционную жертву фигуры.

14. Кh4 g5 15. Кf5 gf 16. gf Кph7 17. Ch3 Лg8 18. Кph1 Кf8 19. Фh5 e6 20. de К:е6 21. Лg1 К: f4 22. Л: g7+ Л: g7 23. Ф: h6+ Кpg8 24. Ф: f4 С: f5 25. С: f5 Фе7 26. Кd5 Фе5 27. Фh6 Лb7 28. f4 Ф: b2 29. Се6+ Лb7 30. Ке7+ Кf8 31. Кg6+. Черные сдались.

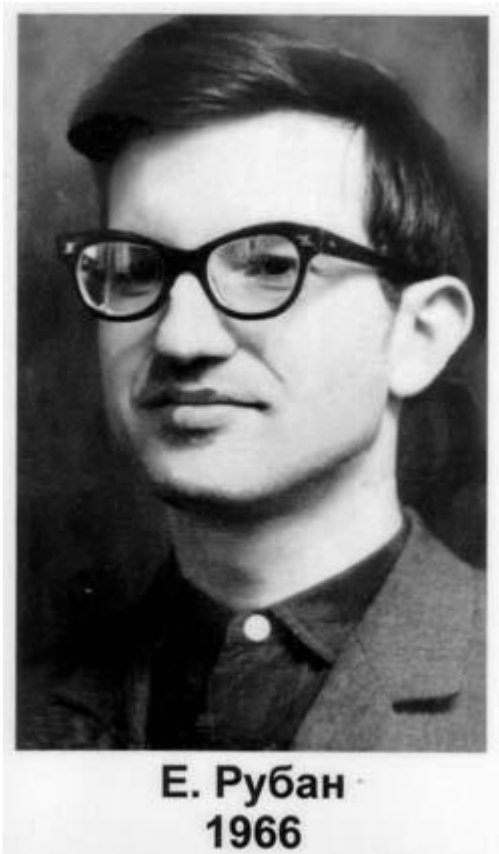
Сильно провел турнир П. Кондратьев. Вот один из примеров его целеустремленной игры.

А это позиция из партии Когинов — Вейнгер. Черные четко реализовали свой позиционный перевес. Последовало: 26... Лс5 27. Ка3 Кpg7 28. Кb1 Лс1 29. g3 h5 30. Кpg2 Лас5 31. Ле2 g5! 32. а3 g4 33. fg hg 34. а4 Cd4 35. h4 Лg1+ 36. Кph2 Лсс1 37. Ld2 Лh1+. Белые сдались.

А. ГЕЛЛЕР,
А. ДЭУЭЛЬ.

14.11.2005 Генна Сосонко. КЛЕЙМЕНЫЙ

В фойе шахматного Клуба имени Чигорина в Петербурге испокон веку висят фотографии чемпионов города. Когда Виктор Корчной остался на Западе, его портрет исчез со стенда, но еще раньше такая же участь постигла и другую фотографию – чемпиона Ленинграда 1966 года.

Из тех, кто знал его, кто-то умер, кто-то уехал, а у живущих хватает своих забот, чтобы вспоминать о мелькнувшей когда-то на шахматном небосклоне звездочке, с именем которой связаны какие-то скандальные истории.

Мои друзья искренне советовали темы этой вообще не касаться. «Что бы и как бы ты не написал, - говорили они, - тебе не избежать разгневанных реакций и яростных нападок; в лучшем случае - иронических улыбок или недоуменного поднятия плеч. Да и шахматист ведь он был не ахти какой. Ну, сильный мастер, но таких были ведь сотни, а то, что жестоко был наказан при советской власти, так я десятки законов того времени назову не менее жестоких, у каждого государства ведь свои законы».

Я сказал себе, что они правы. Тяжело браться за что-либо, чувствуя себя заранее обреченным на поражение. Действительно, какой бы ни был взят тон - трагический, ироничный, презрительный, шуточный, сочувствующий или осуждающий, все будет плоско, неверно, двусмысленно.

Уже почти отказавшись от замысла, я вспомнил неожиданно Тони Майлса. В Тилбурге в 1985 году Майлс из-за болей в спине играл весь турнир лежа на массажном столике. Он признался, что подумывал о том, чтобы выбыть из соревнования, но превозмог себя.

«Мало вещей в жизни могут меня мотивировать больше, чем преграда, которую нужно преодолеть, – писал он после турнира. – Но есть еще более высокая цель: преодоление непреодолимой преграды».

И я решил рассказать о трагической судьбе забытого чемпиона.

Минск, 1957 год. Спартакиада Дворцов и Домов пионеров Белоруссии. Столице республики предоставлено право выступить в этом соревновании двумя составами, и тренеры из других городов настояли на том, чтобы обе столичные команды играли между собой в первом туре.

«Так, - сказал детям на собрании тренер, - вторая команда ложится первой со счетом 0:4, ну, в крайнем случае, 0,5:3,5. Все уяснили?»

На первой доске за вторую команду Минска играл тринадцатилетний Алик Капенгут. Полностью переиграв соперника, Капенгут остался с лишней фигурой и, насладившись моральной победой, демонстративно подставил ладью... Рядом с ним за команду Гродно играл мальчик, видевший все происшедшее.

«Ну что, приказали сплавить?» – саркастично улыбнулся он. Свою партию кареглазый шатен в больших очках выиграл, так же как и шесть последующих, показав стопроцентный результат на первой доске. Это был Женя Рубан.

Через два года на командном юношеском чемпионате страны в Риге в 1959 году Рубан играл за команду Белоруссии, а я - за команду Ленинграда, но Рубана не запомнил и уж тем более не знал, чем закончилось для него это соревнование. У Жени возник конфликт с тренерами, которые расценили поздние вечерние возвращения и независимую манеру поведения как нарушение спортивного режима и ходатайствовали перед судейской коллегией о снятии его с соревнований. Под термином «нарушение спортивного режима» в советское время понималось, как правило, пьянство или индивидуальная манера поведения, не вписывавшаяся в нормы, считавшиеся общепринятыми. Рубана дисквалифицировали на год.

Эта дисквалификация не стала последней в его жизни. Он мог загулять, послать подальше придирчивого, надоедливого судью, высказать свое мнение: он был остр на язык и за словом в карман не лез. При просмотре таблиц того времени в графе рядом с его фамилией вдруг натыкаешься на означающий поражение минус, за которым, без всякого сомнения, скрывается та или иная история. Но все истории, выговоры и дисквалификации в его жизни кажутся детской забавой по сравнению с той главной, которая ему еще предстояла.

Фамилия Рубан может быть и русской, и белорусской, и еврейской. В его внешности было что-то семитское, но сам он утверждал, что к еврейству не имеет никакого отношения. «Мои родители – самых простых хохляцких кровей...» – говорил он. Альберт Капенгут вспоминает, что когда Рубан приехал в Минск и спрашивал у его отца, историка по профессии, имеет ли ему смысл избрать исторический факультет, тот, обманутый внешностью Рубана, начал говорить что-то о возможных трудностях при поступлении. Женя сразу все понял и смутился: «Вы знаете, я - русский...»

Учиться в университете Рубану не пришлось: его взяли в армию. Хотя Женя регулярно играл в армейских соревнованиях, мастером стать ему не удавалось, и

казалось он так и растворится в огромном резервуаре способных, когда-то подававших надежды шахматистов.

Его судьбу полностью переменял Ленинград. Шесть лет, которые Рубан провел в этом городе, оказались самыми счастливыми в его жизни. И самыми трагичными.

В Питере он поступил на философский факультет университета. Тогда же началась его настоящая шахматная карьера. Он выигрывает четвертьфинал первенства города, выполняет мастерскую норму в полуфинале, а в финале становится чемпионом. Я играл в том чемпионате в 1966 году (проиграл ему) и помню его очень хорошо.

Рубан приходил на партии всегда в костюме, подтянутый, собранный и торжественный. В нем было что-то от провинциального парня, способного, энергичного, приехавшего в большой город завоевывать его и – завоевавшего.

Вспоминая сейчас те далекие годы, вижу его всегда ироничным, саркастичным, порой язвительным и циничным. Он выглядел каким-то многозначительным, в то же время расплывчатым, недоговоренным. Не могу сказать, что я любил Женю Рубана.

После того, как он выиграл чемпионат, он изменился, стал более уверенным в себе, более высокомерным, почувствовал себя звездой. Мог зайти в Клуб при полном параде, когда и при бабочке.

В манерах его было что-то кошачье, лицом он напоминал какую-то большую птицу. Пристальный взгляд круглых глаз создавал сходство с филином и только усиливал это впечатление. На его лице постоянно блуждала улыбка; во время партии, задумавшись, он характерным движением руки время от времени оглаживал бородку. Это было необычно: мало кто из мужчин, особенно молодых, носил тогда бороду.

Он любил порассуждать, переплетая идеи и образы и переходя с одной темы на другую, был многоречив, начиная фразу, загадочно улыбался, предоставляя право собеседнику додумать мысль или высказать ее самому.

Мог съязвить по чьему-либо поводу, и умно, с подковыркой съязвить. И все это - с милой улыбкой. Нет, не могу сказать, что я любил Женю Рубана.

Кое-кто вспоминает, что он был очень эрудирован и начитан - мне так не казалось; скорее всего, причиной непонимания этой эрудиции и невозможности оценить ее тогда был я сам.

Конечно, мы говорили иногда о том, о сем, но я не помню, чтобы уровень наших разговоров поднимался выше обычной болтовни. Как не напрягаю память, не могу вспомнить ни одной серьезной беседы с Рубаном, за исключением разве одного, неизвестно почему затеянного в фойе Чигоринского Клуба разговора о Распутине, который, как известно, учил, что нужно погрязнуть в грехе, чтобы познать экстаз раскаяния.

Да в другой раз, когда мы столкнулись нос к носу на Невском, он начал вдруг говорить о Байроне, которого читал тогда, о его жизни. Попалась ли ему на глаза байроновская строка: Меня ты наделило, Время, судьбой нелегкою...

Когда он приехал в Ленинград, я закончил уже университет и работал в Чигоринском Клубе на улице Желябова, как называлась тогда Большая Конюшенная.

Декабрьским днем 1966 года в Клубе раздался телефонный звонок. Я снял трубку. «С вами говорят из Таврического Дворца, - произнес голос на другом конце провода, - скоро Новый Год, и у нас, как всегда, Елка. С танцами, музыкой, лотереей, играми, ну и, конечно, с Дедом Морозом и Снегурочкой. В этом году мы решили устроить что-нибудь шахматное. Сначала думали о сеансе одновременной игры, но процедура эта в общем скучная. Кстати, - продолжал мой собеседник, - сколько стоит сеанс одновременной игры?»

Я стал объяснять, что путевка может быть сдвоенная – лекция и сеанс. В этом случае сумма, выплачиваемая мастеру, составляет двадцать рублей, ну а ежели только сеанс, то гонорар сокращается наполовину. Еще не зная как повернется дело, я рекомендовал сеанс с лекцией, ссылаясь на то, что словесное общение с аудиторией очень, очень оживляет мероприятие.

«Ну, лекция детям ни к чему, - заметил голос, - у нас другая задумка: в течение часа-полтора просто поиграть в шахматы с малышами. Я думаю, что это можно приравнять к стоимости сеанса одновременной игры. Речь идет обо всем периоде каникул с 30 декабря по 10 января, так что всего - двенадцать елок. Но дети живут ведь в мире сказки, поэтому мы решили, что мастер должен будет играть свои партии в шкуре медведя, так что ему придется попотеть, - засмеялся мой собеседник».

Я работал тогда тренером-методистом и, хотя формально должен был спросить разрешения у директора Клуба Наума Антоновича Ходорова, счел елочные сто двадцать рублей своими. Неписанным правом на все безымянные сеансы и лекции, запросы на которые приходили в Клуб, обладал тренер-методист. До меня на этой должности работал Семен Абрамович Фурман, логично предпочитавший лекции с сеансами одинарным выступлениям, что давало повод остроумному Александру Геллеру напевать на мотив популярного тогда марша Космонавтов: «Заправлены в планшетку путевки и наряды, и Фурман уточняет в последний раз маршрут...»

Ну что с того, думал я тогда - полтора часа в шкуре медведя, зато двенадцать выступлений. К тому же я знал уже из опыта, что помимо Снегурочки на новогодних детских праздниках бывает немало Снежинок, зачастую, а можно сказать и почти всегда более привлекательных, чем сама Снегурочка.

«Тут, Наум Антонович, из какого-то Дворца звонили, - начал я развязно-бодрым тоном, которым имел обыкновение разговаривать с директором, - у них что-то там сеансовое намечается, я оформлю, когда заявка придет, а с календарем на следующий месяц какая-то неувязка получается, я только что из Спорткомитета, там сказали, что в типографии непредвиденная задержка произошла, так что завтра ...»

«Ты, Геннадий, мне яйца не крути, - прервал меня Наум Антонович фразой, которую нередко употреблял с подчиненными, не взирая на их пол. (Заведующая отделом спорта во Дворце пионеров, следующего места моей работы, Зоя Петровна, средних лет женщина, тоже нередко пользовалась ею). Сегодня уже пятое декабря, и посетители жалуются, что до сих пор на дверях Клуба ноябрьский план мероприятий висит, - продолжал Ходоров. К тому же, я только что звонил в Комитет, и мне сказали, что календарь у них уже три дня как в проходной валяется, и почему-то никто его не забирает...»

Полковник в отставке Наум Антонович Ходоров был тем известным типом советского руководителя, который за версту чуял, что хочет начальство и

действовал, исходя из этого. Обладая хорошей памятью, он был мастером устного рассказа, импровизации, являя собой эдакого барона Мюнхгаузена, прибывшего в страну Советов и прекрасно там прижившегося. Шахматы он любил и, когда к нему приходил его старинный приятель, тоже отставной военный, старик с густыми седыми бровями, Наум Антонович запирался с ним в директорском кабинете и не откликался ни на стук, ни на телефонные звонки, пока они не кончали партии, игравшейся его любимыми утяжеленными фигурами.

У Наума Антоновича был сын Геннадий и, я думаю, что при моем поступлении на работу этот факт сыграл решающую роль: дома - Геннадий и на работе - Геннадий, здесь и запоминать ничего не надо.

Я уезжал тогда время от времени на соревнования или сборы и, конечно, Ходоров не был доволен моим отсутствием на работе. «Да ты только что целый месяц где-то пропадал, как я тебя могу снова отпустить?» - качал головой Наум Антонович, читая официальное приглашение из Латвийского Спорткомитета на сбор с гроссмейстером Талем М.Н.

«Так ведь Таль, - говорил я, - к тому же я и замену подыскал: хоть и кандидат в мастера, но исполнительный, добросовестный, да и зовут – Геннадий, так что вам и привыкать не надо будет». При этих словах я вводил в директорский кабинет приятеля, жившего в доме напротив в Басковом переулке. Он стал заменять меня во время моих частых отлучек, поэтому было логично, что когда я летом 1972 года уехал в вечную как тогда казалось командировку, Геннадий Ефимович Несис окончательно вступил на пост тренера-методиста.

В последний раз я видел Ходорова за несколько дней до эмиграции в сквере Казанского собора у памятника Барклаю-де-Толли. По причине, понятной каждому, кто жил в то время в Советском Союзе, Наум Антонович не хотел видиться со мной в стенах Клуба, предпочитая говорить с глаза на глаз.

«Да-а, - протянул он задумчиво, - ты ведь через четыре дня на Западе будешь. Ты же Брауном сможешь бриться с двойной головкой, это знаешь ли...Кстати, за тобой еще книга библиотечная числится «Моя система на практике». Екатерина Ефимовна просила напомнить, так что ты уж не забудь вернуть, тем более, что на практике тебе придется применять теперь другие системы...»

Но в декабре 1966 года до моей эмиграции оставалось еще пять с половиной лет, и Ходоров, обычно мало интересовавшийся заявками на выступления, неожиданно спросил: «А что там еще за сеансы?» Несмотря на мои сбивчивые объяснения, он сразу уловил существо дела. «Знаешь что, - сказал он, - у тебя будут еще сеансы, а вот Женя Рубан на студенческую стипендию живет, ему эти деньги нужнее, надо оформить все выступления на Женю». Я без особого энтузиазма встретил предложение Ходорова, но возражать было нечего, и я - не в последний раз в жизни - познал на собственном опыте народную мудрость о шкуре неубитого медведя.

Считается, что любовь к деньгам – корень всех бед, но то же можно сказать и об их отсутствии. Действительно, Рубан постоянно нуждался. Он жил в студенческом общежитии, стипендию получал тридцать два рубля, потом тридцать пять. Прожить на такие деньги было невозможно и, даже получая время от времени что-то от шахмат, Рубан всегда и во всем вынужден был ограничивать себя.

Альберт Капенгут играл с ним в 1965 году в Вильнюсе. Он вспоминает, что на турнире выдавались талоны на питание на сумму два с полтиной, но Рубан предпочитал менять талоны на деньги, перебиваясь целый день кефиром с

булочкой. Литва для жителя Белоруссии, да и Москвы и Ленинграда была тогда малой границей, и в Вильнюсе в букинистических магазинах можно было купить немало книг, которых попросту не могло быть в метрополии. И Рубан читал ночи напролет: Бердяева, Шестова, Ильина... Но и не только философов. Читал все, что попадало под руку, много и жадно.

Не знаю, на что пошли деньги, полученные за игру в шкуре медведя в Таврическом Дворце, но уже тогда Женя начал выпивать. В осенние месяцы в Чигоринском Клубе по воскресеньям проводилось командное первенство вузов и, случалось он приходил к началу тура плохо держась на ногах: субботние праздники в общежитии не заканчивались рано. В таких случаях кто-то из запасных участников команды немедленно посылался за пивом, либо Женя, если позволяло время, сам удалялся на опохмел. Играл он и с перепоя сильно.

На полуфинал первенства страны в 1966 году Рубан прибыл после сильнейшего загула и поначалу попросту приходил в себя: первые четыре партии он проиграл. Такой старт может сломать любого, пессимисты начинают задумываться о целесообразности продолжения шахматной карьеры, а то и о смысле жизни вообще. Рубан продолжал играть, как ни в чем не бывало, и в итоге разделил четвертое место в соревновании, не добрав только пол-очка до выхода в финал чемпионата страны.

В следующем году, в Ростове-на-Дону он играл во всесоюзном турнире молодых мастеров. Впервые очутившись в такой сильной компании, Рубан чувствовал себя достаточно уверенно и сыграл вполне пристойно - плюс два. Он хорошо использовал инициативу, планы его были ясны и логичны и, как это нередко бывает у шахматистов классического стиля, результаты белыми фигурами были у Жени намного выше. Так и в Ростове он выиграл белыми все партии, но черными сделал только одну ничью.

Обладая дебютной эрудицией, он умело использовал преимущество в пространстве. Вероятно, это было влияние Исаака Ефремовича Болеславского, пользовавшегося безоговорочным авторитетом в Белоруссии. В шестидесятых годах у самого мэтра дома нередко собирались сильнейшие шахматисты республики, обсуждая теоретические проблемы и занимаясь дебютными исследованиями. Бывал на этих встречах и Рубан.

Для его игры были характерны прагматизм и прекрасное использование наигранных схем. Не случайно в том же Ростове среди молодых мастеров бытовало выражение «он сидит у меня на схеме». Если к этим качествам добавить еще довольно высокую эндшпильную технику, здравый смысл в сочетании с волей к победе, то можно сказать, что Рубан был тогда сильным мастером с хорошими перспективами.

Вот как вспоминает Рубана участник ростовского турнира Лев Альбурт: «Жене было уже двадцать пять лет, и на фоне более молодых участников турнира он выглядел сравнительно взрослым человеком. В больших роговых очках, при бороде, с проникновенным взглядом карих глаз, он был харизматической личностью, это чувствовали все, кто с ним сталкивался. Известно, чем мы занимались во время турниров в то время: постоянные свидания, встречи, девочки, телефонные звонки... Когда я заговаривал с Женей на эту тему, он смотрел на все это свысока, посмеиваясь, как старший, опытный человек, для которого все это давно пройдено и прекрасно известно».

Всесоюзный турнир молодых мастеров, в котором играл Рубан, проводился тогда в стране ежегодно, и в таблицах этих турниров можно найти немало имен шахматистов, многие из которых стали сильными гроссмейстерами. Из того поколения можно назвать Льва Альбурта, Бориса Гулько, Романа Джинджихашвили, Владимира Тукмакова, Юрия Разуваева, Виктора Купрейчика - список этот далеко не полный. Очень стабильно играли тогда Михаил Подгаец и Альберт Капенгут, но судьба была к ним менее благосклонна, и им так и не удалось завоевать высшее звание.

Были и другие, навсегда оставившие игру, ушедшие в медицину, в науку или просто растворившиеся в жизни, исчезнув с шахматного горизонта. Но даже на их фоне судьба Евгения Рубана выделяется своей необычностью.

Когда в 1970 году Рубан окончил университет, он пытался остаться в Ленинграде. Для этого была необходима прописка. Сноска для иностранцев: *propiska* – запись в паспорте, дававшая разрешение на проживание в больших городах, в Москве и Ленинграде в первую очередь, и Рубан решил фиктивно жениться на счастливой обладательнице паспорта с заветным штампом.

Формула была простой: «жених» платит «невесте» обусловленную сумму, они регистрируют брак и «невеста» - уже как законная жена - прописывает его у себя. Конечно «муж» устраивается как-то иначе, но получает право на проживание. После чего «супруги» расходятся.

Из этой затеи у Рубана ничего не получилось. Неудачей окончилась и попытка устроить его на работу в Дом офицеров. Рубан пришел на встречу, опоздав едва ли не на час, вел себя высокомерно, оставив странное неприятное впечатление.

Лев Альбурт вспоминает, что уже после окончания философского факультета Рубан приезжал в Одессу: «Я пытался помочь ему устроиться в аспирантуру Университета, а Тукмаков – Технологического института; студенческие команды нуждались в сильных спортсменах, а Женя был ведь сильным мастером. Но он внезапно исчез, а через некоторое время мы узнали, что он принят в аспирантуру в Ленинграде».

Одно из моих последних воспоминаний о нем. Ранняя весна 1970 года. Я – дома, в комнате коммунальной квартиры на Басковом. Продавленная оттоманка, радио, тихо бубнящее что-то о предстоящей великой дате – столетней годовщине со дня рождения Ленина. Я перелистываю какой-то журнал, кажется «Юность». Вдруг где-то на втором плане я услышал голос ведущей: «А сейчас мы с вами находимся в главном здании Университета, коридоры которого помнят молодого Ульянова. У микрофона - выпускник философского факультета, мастер спорта по шахматам Евгений Рубан. Женя, не могли бы вы сказать, что значит для вас имя Ленина, что вам наиболее дорого из наследия основателя социалистического государства, юбилей которого мы готовимся встретить?»

Я оставил журнал и, крутанув рычажок радио, достал сигарету из пачки «Памира», крепких и ужасного качества, зато самых дешевых сигарет в Ленинграде в то время. «Ну, что я могу сказать, - услышал я знакомый баритон, - имя Ленина – это особое имя. Его вклад в философию огромен; книги Ленина у меня всегда под рукой и не будет преувеличением сказать, что я ложусь спать и встаю, советуясь с Владимиром Ильичем. Ленин для всех нас...»

Через пару дней мы встретились в Клубе.

«Слышал тебя по радио», - сказал я.

«Ну и как?» – метнул Женя острый улыбчивый взор.

«Мебельная фабрика приступила к выпуску трехспальной кровати для молодоженов – «Ленин всегда с нами» - еще лучше вписалось бы в твой рассказ».

Юбилейная дата приближалась, и стремительно росло число анекдотов на ленинскую тему.

«А для таких рассказчиков есть и другой: объявлен конкурс на лучший анекдот в честь ленинского юбилея. Первая премия – встреча с юбиляром, вторая – пять лет казенного содержания, третья – путевка по ленинским местам в Сибири: Красноярск и так далее...» - не остался в долгу Рубан, не подозревая еще, что через год с небольшим ему самому придется отправиться по этой путевке.

Белой ленинградской ночью, в скверике недалеко от станции метро «Московские Ворота» Женя Рубан встретился с молодым слесарем Кировского завода. Бутылка водки, плавленый сырок. Стал склонять рабочего к сексу, предлагая тому десятку. Рабочий в деньгах нуждался. Было совсем светло, и поздние посетители садика, возмущившись столь откровенным зрелищем, стали призывать молодых людей к порядку. Молодые люди не уgomонились, по пьяной лавочке послали увещевателей подальше. Те вызвали милицию.

По поводу того, что произошло в милицейском фургончике, показания расходятся. Некоторые утверждают, что Женя предлагал милиционерам закончить дело полюбовно не только в переносном, но и в прямом смысле, другие утверждали, что слесарь требовал от Рубана обещанный червонец, а Рубан отвечал ему, что слесарь даже не довел дело до конца, и он ничего не почувствовал. Слесарь в свою очередь оправдывался тем, что ему помешали милиционеры. «Вот с милиционеров и получи», - советовал тому Рубан.

Не знаю какая версия соответствует действительности, думаю, что вторая более правдоподобна, и диалог между Рубаном и слесарем не апокриф. Тем более, что кто-то присутствовал на заседании суда и рассказал об услышанном там своему приятелю: читай - всему городу.

Абсолютную правду восстановить три с лишним десятка лет спустя едва ли представляется возможным: где эти милиционеры? где слесарь Кировского завода? Вряд ли можно разыскать сейчас это дело в архивах: оно ведь не относилось к числу тех, на грифе которых был выведена грозная фраза: «хранить вечно».

В дальнейшем судьбы подследственных разделились. Слесарь покаялся, сказал что всему виной водка, что такого никогда больше не повторится, и был взят на поруки. В то время как Женя ударился в амбицию: вступая в дискуссии со следователями, он ссылаясь на Сократа, на древних греков, говорил о терпимом отношении к гомосексуализму высших слоев древнегреческого общества, что зротическое отношение к юношам имело и своеобразный интеллектуальный характер, цитировал Платона. Приводил в примеры Леонардо да Винчи и Марселя Пруста, но следователям было все равно, что делали древние греки, а Марселя Пруста они не читали.

Судьи никогда, ни в какие времена не любили философов, вступающих с ними в полемику. Не любили высокомерных, ироничных, пытающихся им что-то объяснить, заставляющих думать. Ни Сократ, ни Тот, чьим именем названа одна из основных религий мира, таким своим поведением на суде не смягчили себе приговора. Не смягчил его и Оскар Уайльд, знавший чем грозит предъявленное ему обвинение, но решивший, что сможет защищаться своими язвительными афоризмами.

В случае раскаяния, дело Рубана могли бы спустить на тормозах, его тоже могли бы взять на поруки или, на худой конец, квалифицировать содеянное как мелкое хулиганство. Но он продолжал гнуть свою линию, и маховик раскрутился; остановить его могло только веское приказание сверху, но такого приказа не последовало.

В порядке вещей было то, что его судили не за образ жизни, который он вел и упорно защищал на следствии и в суде, а за хулиганство. Власти вообще старались пореже применять 121 статью и не употреблять слово «гомосексуализм», делая это только в исключительных случаях. Но замалчивание гомосексуализма в Советском Союзе не отменяло его.

На суде Рубан говорил о профессоре, с кем впервые, находясь в бедственном материальном положении, приобрел опыт мужского секса, и говорил, что совсем не жалеет об этом, потому что таким образом узнал, кто он сам есть в действительности. Он не признал свою вину и, в отличие от раскаявшегося слесаря, прощения не просил. В последнем слове он, как утверждали присутствовавшие на процессе, заявил: «Я благодарен Советскому Суду, посылающему меня в лагерь. Там такие люди, как я, нужны!» Ему дали на полную катушку: четыре года по статье «Хулиганские действия, отягощенные крайним цинизмом».

Е. Рубан

Когда Рубана арестовали, по городу поползли слухи, что его взяли за «политику» и, мстя за это, шьют дело по бытовой статье. Это не соответствовало истине. Знаю доподлинно, что он читал и давал читать другим изданные за пределами Советского Союза книги, содержание которых подходило под статью «антисоветская пропаганда и агитация». Но никогда не подписывал писем протеста, не малевал антисоветских лозунгов на Клодтовских конях и не встречался с иностранными корреспондентами. Диссидентом он не был, хотя и нет

никакого сомнения, какие чувства к власти испытывал человек, много читавший и любивший других философов, а не только навязшего в зубах Маркса. Но даже не будучи диссидентом в прямом смысле этого слова, он являлся таковым по существу. Ведь главным и решающим в определении преступления инакомыслящих было именно это «инако»: всякий «инако» думающий, «инако» пишущий, «инако» действующий или «инако» любящий по определению представлял опасность для страны, где все должно было всеми делаться одинаково.

Известие о суде над Рубаном и суровом приговоре вызвало в шахматной среде самые разные реакции. Вспоминаю, как Ходоров держал длинную речь, изобиловавшую историческими ссылками и примерами из собственной жизни: «Видишь ли, в чем дело, Геннадий, - начал он лекцию на тему о мужской любви, – такое встречалось еще у аркадских пастухов. За Женю Рубана же беспокоиться не следует. В лагере Жене только лучше будет, - утверждал Наум Антонович, - такие люди там не работают, за них все другие делают, а они известно чем расплачиваются. Так что, пустили щуку в пруд. Дело это не такое уж необычное. Вот я помню служил на Полтавщине в 36 году, у нас в обозе был паренек, смазливый такой, Грицко звали, и можешь себе представить, однажды уже после отбоя...»

Но не все были настроены на фривольный лад. Льву Альбурту, ушедшему в 1979 году на Запад, дело Рубана виделось в другом свете: «Слухи о поведении Жени на суде, жестокий приговор ему ошеломили и взбудоражили меня и мое окружение, оказали влияние на наше мировосприятие. Думая потом о моем собственном пути в эмиграцию, я понял, что его судьба была одним из толчков, после которого я задумался о том, в какой стране я живу. Это стало для меня в каком-то смысле маслом, пролитым булгаковской Аннушкой, после чего все началось и завертелось. Это самое масло положило начало целому ряду событий, последствия которых невозможно было предвидеть. Началась какая-то чертовщина. Так и случай с Рубаном, получивший огласку в шахматной среде, взбудоражил умы и вместе с начавшейся в те годы эмиграцией, а потом бегством Корчного и других шахматистов, раскачал незыблемый, казалось бы, монолит советской шахматной школы, а потом и всей системы».

Прошло несколько лет после его ареста. И хотя суд над ним стал постепенно забываться, время от времени имя Рубана всплывало в разговорах, в шутках.

«Я Рубаном встану», - нередко восклицали в те времена шахматисты за анализом, собираясь защищать бесперспективную, пассивную позицию. Это выражение бытовало несколько лет, но потом умерло, как и большинство выражений на злобу дня: приходит новое поколение, с собственным языком и с новым жаргоном и ассоциациями, которые неизбежно ждет та же участь.

Говоря о годах, проведенных им в неволе, хорошо бы ограничиться скороговоркой, или поступить, как это сделал Людовик Четырнадцатый, распорядившийся о специальном издании классических авторов для своего наследника, выпустив острые, опасные, с его точки зрения, места. Написать так об этих годах Рубана, значило бы поступиться правдой, ставшей для него тяжелой, мучительной, порой невыносимой.

Тюрьма и лагерь перетряхивают иерархию. В лагере общего режима не было больше аспиранта философского факультета университета, талантливого шахматного мастера и чемпиона Ленинграда; был только заключенный Рубан Е.Н., и каждый знал, за что он очутился в лагере, и в этой лагерной иерархии он

очутился на самой низшей ступени. Произнося последние, полные бравады слова на суде, понимал ли Рубан, что ему предстоит в лагере? Ведь одно дело проводить время с университетским профессором или в скверике с одноразовым партнером, совсем другое, став абсолютным парией, служить предметом забавы и издевательств нередко десятков человек на дню.

Но об этом достаточно. Марк Тулий Цицерон нередко заканчивает так главки своего повествования. Говоря об обстоятельствах жизненного пути Жени Рубана, здесь и там хочется повторить эти, двухтысячелетней давности слова римского философа: «об этом достаточно».

Полный срок Рубан не отсидел: его отправили на «химию». Это была одна из форм советской пенитенциарной системы, означавшая ссылку на поселение, зачастую после лагерного срока или с заменой последнего периода пребывания в лагере, как и было в случае с Рубаном. Конечно, эта форма полусвободы была в то же время только другой формой неволи, с обязательным прикреплением к месту работы, которую тоже нельзя было менять без разрешения властей.

Рассказ гроссмейстера, давно живущего вне пределов России, в те годы просто советского мастера: «Я учился в Томске в аспирантуре, когда в городе неожиданно появился Женя Рубан. До этого я видел его мельком на каком-то соревновании, но по-настоящему знакомы мы не были. Выглядел он неважно, одет был очень плохо, в Томск прибыл на «химию». Сначала мы просто встречались, иногда болтали, играли блиц. Женя не скрывал того, что недавно отбыл срок в лагере, куда попал, с его слов, по пьяному делу. Однажды он попросил меня переговорить с руководителем моей диссертации с тем, чтобы помочь устроиться ему на преподавательскую работу.

С Рубаном встретились мой шеф и ректор университета. В ходе разговора выяснились действительные причины его заключения. «Что же ты меня так подставил, кого ты нам рекомендовал?» - отчитывал меня шеф после этой беседы. Приговор ректора был окончательным: «Человека с такими наклонностями нельзя на пушечный выстрел подпускать к студенчеству».

Хотя с тех пор прошло много лет, отношение к проблеме, особенно у старшего поколения в России, мало изменилось. Лет пятнадцать тому назад в поезде из Амстердама в Брюссель я разговорился с мамой одного известного молодого гроссмейстера из Советского Союза. Гроссмейстер только недавно женился, молодые жили вместе с родителями, и мама, как положено, жаловалась на невестку, впрочем, перепадало и сыну.

Я слушал вполуха, пока она не обратилась ко мне с вопросом: «А правда ли, я слышала, что у Тиммана жена черная?» «Правда», - отвечал я.

«Господи, батюшки светы, как же это так», - задала мне мама на этот раз больше риторический вопрос.

«Вот вы Z ругаете, - назвал я имя ее невестки, - а представьте себе, что X – здесь я назвал имя ее сына, сидевшего рядом, но, судя по выражения лица, погруженного в свой шахматный мир и совершенно не прислушавшегося к нашему разговору, - а ведь он тоже мог выбрать себе черную жену или подругу, тогда что?»

«Инфаркт, - сказала женщина, - у меня случился бы инфаркт...». «Ну вот видите, все в жизни относительно», - тоном старого резонера произнес я, - ну, а если бы у него появился друг?» «У него есть друзья», - не поняла женщина. «Да нет, я не о том, если бы он привел бы домой не жену, не подругу, а друга?» У мамы стало дергаться веко, смысл моего вопроса открылся ей, но ответила она не сразу. Пока

она размышляла, я приготовился выйти на следующий рубеж, приготовив «черного друга» сына, но хватило и просто друга.

«Смерть», - сказала она просто, - смерть». «Как смерть?» - на этот раз уже не понял я. «А вот так, мы не перенесли бы такого позора, мы с отцом бросились бы под поезд...»

Хотя, конечно, отношение к этой проблеме, равно как и к теме секса вообще, зависит во многом от индивидуума. Где-то в середине семидесятых годов молодой аргентинский гроссмейстер К. женился на филиппинке, и после пышных торжеств на родине, свадьба должна была быть продолжена на Филиппинах.

Многочасовой перелет из Аргентины был нелегким, и сын решил, сделав остановку на пару дней в Амстердаме, дать возможность передохнуть родителям, вместе с ним летевшим на торжество. Его родители, немолодые уже люди были родом из маленькой деревушки, говорили только по-испански и впервые в жизни путешествовали по воздуху. Проделав днем всю обязательную программу с катанием на пароходике по каналам и посещением Рийксмузея, они вместе с сыном отправились вечером в район «красных фонарей». Остановившись у первого же кинотеатра, К. предложил родителям зайти вовнутрь, благо знание языка для просмотра фильма было совершенно не обязательно. Сам жених остался ждать их у выхода, отчасти потому, что бывал в Амстердаме не раз, но главным образом для того, чтобы не смущать «предков». Когда те вышли из кинотеатра, первое, что сказала мама, обняв отца, было следующее: «Ну теперь ты понимаешь, старый дуралей, сколько мы всего потеряли в нашей жизни?»

Когда срок кончился, Рубан вернулся в Белоруссию и снова начал играть в турнирах. Его лишили мастерского звания, но не дисквалифицировали, ведь дисквалификация предусматривает объяснение – за что; а о таком ни сказать, ни написать нельзя было ни в каком приказе. С него просто сняли звание; так поступали в России с проштрафившимися попами, только поп-расстрига все-таки остается попом, в то время как Женя Рубан лишился звания навсегда.

Так как официально он не был дисквалифицирован, запретить Рубану играть в первенстве республики начальство не решилось. Поэтому был принят нелепый

компромисс: к участию в чемпионате Белоруссии жителя Гродно допустить, но выступать он будет вне конкурса. Рубан выиграл это первенство; вторым, отстав на пол-очка, был тоже гродненский мастер Владимир Вереймечик. Заседание федерации республики после победы Рубана было бурным. Многие склонялись к тому, чтобы присвоить ему звание чемпиона, но были и яростные противники. В конце концов, возобладало мнение мастера Вересова, заявившего: «Да вы что? Хотите чтобы педераст был объявлен чемпионом республики? Да вы понимаете, как после этого будут смотреть на нас? И в Комитете, и вообще все? Нет, не бывать этому!» И чемпионом республики был объявлен Веремейчик.

Рубан собрал документы и направил запрос в Ленинград с тем, чтобы федерация города, где он стал чемпионом, поддержала ходатайство о восстановлении его в мастерском звании. Необходимые бумаги были заверены месткомом завода карданных валов, где тогда работал Рубан. Обсуждение письма происходило в кабинете Ходорова.

«Что будем делать, товарищи? - спросил Наум Антонович - Все же рабочий коллектив просит, нужно что-то ответить». Повисло молчание. «Так какие есть мнения, как будем поступать с этим запросом?» «Не знаете? А вот так!» - воскликнул Ходоров и, скомкав письмо, бросил его в урну.

Через пару месяцев Рубан сам появился в Питере и зашел в Клуб, где был принят Ходоровым, причем по свидетельствам очевидцев весьма радушно. Приближалась Спартакиада, последние доски сборной команды города выглядели слабовато, и Рубан поинтересовался, не найдется ли ему места в команде. В устном фольклоре сохранился ответ Ходорова, данный Рубану при свидетелях: «Во-первых, Женя, вы четыре года были начисто лишены игровой практики, во-вторых, вам до сих пор не вернули мастерского звания, ну а в третьих, я не уверен не е... ли вас еще и сейчас».

В то время Рубан бывал наездами в Ленинграде. Хотя пребывание в лагере не могло не сказаться на его внешнем виде, держался он достаточно уверенно, непринужденно, порой бывал весел, шутил. Однажды он разговорился с чемпионом Европы среди юношей, будущим гроссмейстером Александром Кочиевым, поступившим на философский факультет университета.

«Слышал, что ты идешь по моим стопам», - заметил ему, улыбаясь, Рубан.

«Лучше я пойду по стопам Анатолия Евгеньевича», - со смехом рассказывал об этом разговоре Кочиев коллегам-шахматистам. И перевелся на экономический факультет: двенадцатый чемпион мира закончил к тому времени экономический факультет ленинградского Университета.

Рубан снова предпринимал попытки остаться в Ленинграде, пытался устроиться на работу сторожем, чтобы на первых порах получить хотя бы временную прописку. Снова рассматривалась возможность женитьбы (фиктивной, разумеется). Но и на этот раз все кончилось неудачей, и Рубан вынужден был окончательно возвратиться в Белоруссию. «Придется доживать век в вашем болоте», - вздыхал Женя, вернувшись в Гродно.

Звание мастера ему не вернули никогда. В Справочнике шахматиста, вышедшем в 1983 году в Советском Союзе, имя Рубана попросту отсутствует: шахматиста с такой фамилией никогда не было. На работу его нигде не брали: несмываемое пятно лежало на таком человеке, и устроиться на работу было легче вышедшему по амнистии бандиту или отбывшему срок заключения убийце. На нем было вытравлено клеймо, и на свободе он тоже оставался изгоем и парией.

В конце концов, он получил работу санитара в морге, потом удалось устроиться осветителем в театр Русской драмы. Редким знакомым он говорил, что написал пьесу. Другие утверждают, что Рубан писал детективы. Вполне возможно, ведь еще будучи студентом философского факультета, он, собирая материал по вокзалам, пивным и прочим значным местам сомнительной репутации, намеревался писать историю петербургского «дна».

Хотя в театре понимали, что юпитеры на сцену наводит философ и писатель, и относились к нему с уважением, между ним и его окружением всегда сохранялась дистанция, и близких друзей у него не было. Тесное общение и, тем более, дружба с таким человеком накладывала определенное клеймо и на его друга, и ничего хорошего не сулила. Порой он сталкивался с презрением, смешками и ухмылками, когда и открытыми.

«Затравленность и умученность ведь вовсе не требуют травителей и мучителей, для них достаточно самых простых нас, если только перед нами – не свой: негр, дикий зверь, марсианин, поэт, призрак. Не свой рожден затравленным». Это - Марина Цветаева.

Где-то в конце 70-х годов он получил новый срок - два года, и опять отправился в лагерь. Потом его сослали в очередной раз. Всюду, где не жил бы тогда Рубан, - в Чите, Костроме, Волковыске - он играл в шахматы и становился чемпионом этих городов.

Вернувшись в Гродно, он какое-то время работал инструктором в шахматном клубе, но продержался недолго: его выгнали за пьянство. Но он все равно приходил в клуб и, просиживая там целыми днями, читал книги, взятые в городской библиотеке. По философии, по искусству, детективы, все, что попадало под руку.

Помимо связей, протекавших где-то в тайной жизни Евгения Николаевича, в своей повседневности он был до конца связан с шахматами.

Молодые белорусские шахматисты вспоминают, что по уровню развития, знанию философии, литературы рядом с ним в республике поставить было некого; выделяясь на общем сером фоне, Рубан казался им кладезем знаний.

Но не все думают так, можно услышать о нем диаметрально противоположные суждения. Здесь нет противоречия: одни говорят о блестящем эрудите, интересном собеседнике, яркой личности, другие - об эксцентричном, грязном, спившемся нищем; это известный случай сидящих в одной тюремной камере - один видит грязь на решетке, другой звезды на небе.

В те редкие моменты, когда перепали деньги, он ходил на концерты классической музыки или в местный театр, но случалось это нечасто: алкоголь был главной статьей расхода. Свидетели вспоминают, как на каком-то турнире после крепкого застолья, когда вечер вошел уже в ту стадию, когда громкость сказанного играет значительно большую роль, чем смысл разговора, а ненормативная лексика вплетается сама собой в любую фразу, кто-то хватился: куда-то делись два собутыльника: Рубан и калининградский мастер Олег Дементьев, тоже уже покойный. Волновались, впрочем, недолго: оба обнаружили на балконе, где вели дискуссию о поэзии раннего Мандельштама.

Он не был брезглив и никогда не отказывался от подарков: поношенного костюма, старых башмаков... Гордо благодарил, хотя мог тут же пропить (случалось и пропивал) дареное. Он пил каждый день. И помногу. Хорошо если водку, но бывало и напитки, не продававшиеся в винных отделах гастрономов. Часто и - натошак. Пил с каждым, кто подносил ему: одни расплачивались таким образом за уроки, другие за партии блиц, третьи - просто за разговор со знаменитым когда-то

шахматистом. Однажды, выиграв какой-то приз в Минске, он купил матери подарок, но до дома не довез: пропил и деньги, и подарок...

Владимир Веремейчик, живший с Рубаном в одном номере гостиницы во время какого-то турнира, вспоминает, что пока не были пропиты все деньги и талоны, ежедневной нормой Рубана были две бутылки водки в день. Случалось, пил и до партии и во время ее. Очень скоро не осталось ни денег, ни талонов, и его ежедневный рацион стал предельно прост: вода из водопровода и буханка хлеба. Но когда Веремейчик попытался провести ему параллель с лагерем, Рубан, никогда не распространявшийся о своих годах в заключении, только усмехнулся: нет, в лагере было хуже.

Нервная система его была изношена совершенно, он был подвержен перепадам настроения и нередко был попросту не в состоянии владеть собой. Как-то, зайдя в Минске в шахматный Клуб, поскандалил и, вспомнив прошлое, обругал непечатно мастера, причастного к его дисквалификации в далеком 59-м году.

Это был уже сильно изменившийся, неряшливо одетый, грязноватый, помятый и подопустившийся человек. Таким теперь видели Рубана в Гродно те, кто помнил его по студенческим временам. Он мог часами расспрашивать о городе, где прошли самые светлые его годы, вспоминал шахматы, вернее, шахматных знакомых.

После перестройки ситуация несколько изменилась, в конце 1989 года в Москве была создана первая «Ассоциация сексуальных меньшинств», но в Белоруссии многое оставалось по-прежнему, да и медленно доходили перемены до его гродненского далека. Он жил в двухкомнатной квартирке со старухой-матерью на ее крошечную пенсию в полнейшей, беспроглядной нищете.

Не соответствует действительности слух о его участии в этот период в каком-то бизнесе; разве что считать таковым продажу на рынке привезенной кем-то из Польши утвари, с тем, чтобы вечером того же дня пропить свою долю выручки.

Пару раз он играл в каких-то опенах в Польше, – ведь от Гродно до границы рукой подать, но лучшие годы давно остались позади, здоровье было разрушено окончательно и, хотя ему было тогда только слегка за пятьдесят, жизнь была почти уже прожита.

Согласно Спинозе, важнейшей движущей силой в человеке как единстве духа и тела является «стремление упорствовать в своем собственном существовании в продолжение неограниченного времени». В эти последние годы жизни, когда не было уже ни советской власти, ни ее карающих законов, так мешавших Рубану «упорствовать в своем существовании», функции этой жестокой власти взяли на себя ужасающая нищета, болезни, алкоголь.

Пьяный, он попал под машину. Больница. Две недели состояние его оценивалось как критическое, потом он пошел на поправку, но неожиданно умер. «Три креста», - качал головой врач, производивший вскрытие, - «три креста», застарелый, залеченный сифилис inrecto...»

Денег на похороны у матери не было; их дала женщина, сидевшая за рулем машины. Некому было и хоронить его: ни у кого из бывших собутыльников времени не нашлось, и гроб с его телом несли Владимир Веремейчик, пятнадцатилетним подростком сыгравший свою первую в жизни партию с мастером, местной знаменитостью, чемпионом Ленинграда, да три ученика Веремейчика, воспитанники гродненской шахматной школы.

Официальная дата его смерти, проставленная на справке, выданной в домоуправлении - 17 ноября 1997 года, но она не заслуживает доверия:

Веремейчик вспоминает, что это был теплый день ранней осени, и деревья стояли еще совсем зеленые. Похоронили его за чертой города, километров в тринадцати от него, так что блюстители библейских традиций могут быть спокойны. Название у этого места нет, все зовут его просто: Кладбище. Есть табличка с именем, но памятника нет, конечно.

Уже после его смерти приезжал в Гродно бывший режиссер местного драматического театра, ныне американский житель, говорил, что пьеса Рубана была напечатана в Америке и даже вроде где-то поставлена; хотел отдать гонорар матери Жени, но отдавать его было уже некому...

В Петербурге на углу Большой Конюшенной и Волынского переуллка, напротив и чуть-чуть наискосок от Чигоринского Клуба, где так часто бывал Рубан, расположена ассоциация «Крылья». Так назывался роман Михаила Кузмина, посвященный «скользкой» тематике и вызвавший в начале прошлого века большие пересуды. Эта организация занимается проблемами сексуальных меньшинств.

У Гесиода есть фраза: прежде бы мне умереть или позже родиться. Кто знает, как могла бы сложиться судьба Жени Рубана, родись он в другой стране, или в той же самой, но тридцатью, скажем, годами позже. Тридцать лет – мгновение нескончаемого Хроноса, но и почти все, когда речь идет о жизни взрослого человека.

Стал ли бы он философом? Историком? Писателем? Шахматистом? Кто может знать это. Времена не выбирают, в них живут и умирают - незамысловатые слова песенки семидесятых годов. Не выбирал своего времени и он.

Leningrad Spartakiad, 1967	not rated on January 1967 list [2528]	= (1/2, 50%)	+1 (1/1, 100%) vs 2512-rated opposition	N/A
Moscow-Leningrad m Leningrad, 1967	not rated on January 1967 list [2461]	-2 (0/2, 0%)	-2 (0/2, 0%) vs 2619-rated opposition	N/A
URS-ch U26 Rostov, 1967	not rated on January 1967 list [2516]	+1 (2/3, 67%)	= (1/2, 50%) vs 2559-rated opposition	N/A
Leningrad-ch, 1970	not rated on January 1970 list -	-2 (0/2, 0%)	no games vs rated opposition	N/A
BLR-ch Minsk, 1976	not rated on January 1976 list [2472]	-2 (0.5/3, 17%)	-1 (0.5/2, 25%) vs 2564-rated opposition	N/A
<hr/>				
EUCup Gr1 Eupen, 1994	not rated on January 1994 list [2354]	= (1/2, 50%)	-1 (0/1, 0%) vs 2403-rated opposition	N/A
BLR-ch Minsk Minsk, 1996	not rated on January 1996 list 2366	-3 (4/11, 36%)	-4 (1.5/7, 21%) vs 2483-rated opposition	N/A
Minsk op, 1996	not rated on January 1996 list [2462]	= (2/4, 50%)	-1 (1/3, 33%) vs 2531-rated opposition	N/A